

PATRIMONIUM ET IMPERIUM:
**МЕТАМОРФОЗЫ ДВУХ ПРОТОТИПИЧЕСКИХ ПОРЯДКОВ
В ЗЕРКАЛЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ МОРФОЛОГИИ
(ЧАСТЬ 2)¹**

Во второй части статьи прослеживаются основные моменты развития патримониальных и имперских порядков, а также институтов и практик. Специально рассматриваются качества патримониев и империй как прототипических оснований властвования и политической организации, а также сохранение и модификация этих качеств в череде метаморфоз. Анализируется проблема «гибридизации», сочетаемости патримониальных и имперских порядков друг с другом и с другими политическими формами. В заключение статьи ставится вопрос о настоящем и будущем патримониальных и имперских форм.

Ключевые слова: патримоний, империй, морфология, прототип, политический порядок, родство, избирательное родство, псевдоморфоз, закрытость, открытость, открытость второго порядка, порядки открытого доступа, порядки ограниченного доступа, гибридные порядки.

В первой части статьи было показано, что патримониальные и имперские порядки смешиваются с другими политическими формами различных видов и измерений в сложных композициях, образующих «слоеный пирог политики» (Ильин, 2014). Их конфигурации можно изучать с помощью морфологического анализа (Патцельт, 2012), позволяющего выявлять морфологические сходства, которые образуются тремя различными способами: родством, избирательным родством и псевдоморфозом. Наследование возникающих сходств и общих черт политической организации изучается эволюционной морфологией политики.

Была также намечена общая логика эволюции политических форм от их закрытости к открытости, а далее к открытости второго порядка, позволяющей институционально регулировать параметры открытости и закрытости. Соответствующие морфологические характеристики были соотнесены с предложенными Д. Нортон, Дж. Уоллесом и Б. Вайнгастом порядками ограниченного

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-03-00310а «Эволюционная морфология имперской организации политического пространства», проект № 13-03-00399а «Между патримониальным и современным политическим порядком: Качество управления в странах постсоветского пространства», а также при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 13-06-00789 «Разработка интеграционных методов и методик социально-гуманитарных исследований».

Часть 1 опубликована в: ПОЛИТЭКС. Т. 10. 2014. № 3. С. 5–21.

и открытого доступа (Норт, Уоллес, Вайнгаст, 2011). Парадоксальным образом односторонняя и жесткая имперская открытость, сохранившая внутри своего порядка архаичную закрытость и патримониальные ограничения, соответствует порядкам ограниченного доступа. Современные же системы, способные регулировать открытость и закрытость, соответствуют порядкам открытого доступа.

Вторая часть статьи непосредственно фокусируется на основном предмете анализа — прототипических формах патримониальных и имперских порядков. На основе заданных теоретико-методологических оснований в ней критически рассматриваются основные моменты развития указанных порядков, а также институтов и практик. Следующий шаг — переход к проблеме «гибридизации» различных политических форм. Данное явление касается не только взаимного сочетания патримониальных и имперских порядков друг с другом, но и их соединения с другими способами политической организации, включая современный конституционализм и демократию. Все это позволяет в заключение статьи возвратиться к вопросу о настоящем и будущем патримониальных и имперских форм.

ПАТРИМОНИАЛИЗМ: ПОНЯТИЯ, ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ И ЯВЛЕНИЯ

Обычно считается, что концепция патримониализма была введена в науку Максом Вебером. Это бесспорно так, однако он основывался на определенной концептной истории, которую необходимо принимать во внимание.

В германской правовой и политической традиции было выработан термин *Patrimonialstaat* — наследственное, *патримониальное государство*. Им обозначались сохранившиеся в Германии XVIII и начала XIX вв. наследственные монархии традиционного типа. Выдающийся бернский юрист, политик и ученый Карл Людвиг фон Галлер связал идею патримониальности не с современной ему практикой наследования власти, а с самыми истоками политики (Haller, 1816–1834). Он видел в глубинах истории *исходное патримониальное объединение* (*Patrimonial Verband*), из которого, собственно, и возникает единственное в полном смысле естественное патримониальное государство. Его он противопоставил иным, искусственным типам государств — церковному, военному и республиканскому.

Концепция Галлера была слишком жесткой и идеологизированной, чтобы послужить основой для строгих научных исследований. Однако она помогла поставить вопрос о неких основаниях патримониального государства по аналогии с государством правовым, патриархальным, теократией, деспотией и т. п. М. Вебер рационализировал идею оснований политического порядка. Он использовал термин «патримониализм» для выделения неких фундаментальных способов общественной и политической организации на основании их характерных или *типичных* проявлений и признаков (Weber, 1980). С помощью выделенных им различных типов патримониального правления или патримониализма М. Вебер осмыслил весьма широкий набор исторических и современных порядков господства.

Зачастую веберовский патримониализм воспринимается как недвусмысленное понятие, отражающее четкий по составу класс, а значит, и набор явлений.

На самом деле это тип или средство выделения в феноменах действительности наиболее характерного, т. е. типического, и затушевывания, исключения всего нетипичного. Типы во многом сходны с понятиями. И те, и другие в равной мере выступают средствами обобщения, однако осуществляется оно по-разному. Понятия сводят смысл к общим правилам, «усредняют» его, а обобщаемые феномены помещают целиком только в один класс. Типы же выделяют наиболее характерные черты смысла, а остальные затушевывают. Кроме того, они ранжируют феномены жизни: наиболее типичные и яркие помещают в центр, а менее типичные оттесняют на периферию. При этом сами феномены могут соединять в разных пропорциях характерные для одного типа черты с менее характерными чертами другого типа и, наконец, со слабо характерными чертами третьего типа. Таким образом, понятия могут быть представлены как четкие, а типы — как нечеткие множества.

М. Вебер пользовался целым набором типов. Наибольшим охватом и обобщением обладает известный всем *идеальный тип* (*Idealtyp*). Другое его название — *чистый тип* (*reiner Typ*). Здесь идеализация (или очищение) доведена до некоего допустимого максимума. Прямая противоположность ему — *исторический тип* (*historischer Typ*). Он максимально конкретен и по возможности сохраняет достаточно большое число характерных черт, связанных с конкретными обстоятельствами своего появления и функционирования, — отсюда и название. Слово «исторический» в данном случае означает связь не столько с большой историей, сколько с типическими ситуациями и обстоятельствами времени и места.

Важное место в понятийном аппарате М. Вебера занимает так называемый предельный, или (по)граничный, тип (*Grenztyp*). Его особенность состоит в том, что типичными в данном случае считаются предельные значения тех или иных характеристик, например, максимально возможные уровни концентрации власти, ресурсов или проявления неких свойств. Некое типичное свойство связывается с пределом или границей своего возникновения. Выделяет М. Вебер и так называемый *эмпирико-статистический усредненный тип* (*empirisch-statistische Durchschnittstyp*), который формируется статистически, по обобщаемым эмпирическим данным, рассматриваемым как типичные.

Типы не содержат четких множеств феноменов. Они скорее представлены и выражены в виде наиболее типичных свойств таких феноменов, которые могут быть признаны прототипическими. Это заставляет М. Вебера (и всех прочих типологизаторов) обращаться к наиболее ярким, «типичным» примерам того или иного явления.

Свои примеры патримониального господства М. Вебер находит уже в самых простых и древних социальных порядках — вспомним Галлера. Они прямо вырастают из патриархальных или геронтократических типов господства, наследуют некоторые их типичные признаки. М. Вебер видит проявления патримониального господства и в современных ему весьма сложных и развитых политиях. Однако в качестве наиболее подходящих примеров для идеальных типов патримониализма М. Вебер избрал империю Птолемеев, китайскую империю Цинь,

Российскую империю и тудоровскую Англию. Им он посвящает львиную долю рассуждений, анализируя особенности патримониализма.

В веберовской интерпретации патримониальное господство как некий универсальный тип политической организации хорошо сочетается с имперскими формами. Все его идеалтипические примеры оказываются империями, включая даже королевство Англия в то время, когда оно приступило к формированию будущей Британской империи.

Веберовские типы обладают разным масштабом и фокусировкой. С широким идеальным типом патримониализма (*Patrimonialismus*) соседствуют его разновидности и в некотором роде более специфические отпочкования в виде султанизма (*Sultanismus*) и так называемого сословного господства (*ständische Herrschaft*). Это не исторические типы в точном смысле слова, но скорее редукцированные версии идеального типа, существенно ограниченные обстоятельствами: в случае султанизма — особыми свойствами окружения патримониального господина, а в случае с сословным господством — историческими особенностями эпохи раннего модерна.

В число конкретизируемых типов патримониального господства М. Вебер включает еще три отпочкования: цезаризм (*Cäsarismus*), должностное господство (*Beamtenherrschaft*) и плебисцитарное господство (*plebiszitäre Herrschaft*). Каждое из них создается своими ограничениями и получает свой фокус типизации.

Весьма развитый и богатый аппарат, который М. Вебер использовал для анализа различных аспектов и проявлений патримониального господства, требовал высокого искусства обобщения и типизирования, а также широчайшего кругозора и владения материалом. Это было по плечу М. Веберу, но оказалось сложным для его учеников и последователей, не говоря о других обществоведах.

Спустя несколько десятилетий, в 1970-х гг., произошло возрождение интереса к веберовской идее патримониализма в науке: появляются работы Ричарда Пайпса, Шмуля Эйзенштадта, Гюнтера Рота и др. Это были действительно ученые крупного масштаба и ярчайших способностей. Прделанные ими исследования стали большими событиями и существенно углубили понимание политических явлений, которые с трудом укладывались в привычные рамки анализа в терминах демократии, авторитаризма и тоталитаризма.

При всех достижениях первой волны изучения патримониализма и неопатримониализма как современных явлений в них невольно вкрался существенный изъян. Веберовский аппарат типизации был невольно перестроен под привычные для политологов 1970-х гг. схемы концептуализации. Поначалу это скорее способствовало продвижению и популяризации исследований патримониализма. Однако постепенно, особенно с подключением к ним представителей мейнстрима, а то и просто слабо подготовленных новичков, выявились существенные проблемы. Произошло концептуальное смешение различных осколков веберовских типов в одном «растянутом» понятии патримониализма.

Последовавшая теоретико-методологическая редукция сопровождалась тривиализацией и выхолащиванием идеи патримониализма. Происходило по большей части чисто контекстное использование терминов «патримониализм»

и «неопатриоманизм» в зауженных исследованиях эмпирического, а чаще идеографического толка. Результатом стали заметные редукция и деградация соответствующих инструментов концептуализации в исследовательской практике последних трех-четырех десятилетий. Соответствующие термины превратились в «жужжалки» (*buzzwords*).

Последнее десятилетие принесло первые попытки детривиализации терминов «патримониализм» и «неопатриоманизм», а также соответствующих инструментов концептуализации в исследовательской практике последнего десятилетия (Webber, 2006; Soest, 2010; Charrad, Adams, 2011; Bach, Gazibo, 2013; etc.). Однако эти попытки по большей части готовят почву для нового подъема изучения патримониализма. Результаты и достижения остаются разрозненными, а до создания общей теоретико-методологической рамки все еще далеко. Вместе с тем уже сейчас можно наметить некие обновленные подходы к феномену патримониального господства.

ПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ, ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ

Что же может стать содержательной основой для обновления понимания патримониального господства, связанных с ним порядков, институтов и практик? Ответ следует искать в происхождении соответствующих способов господства и, шире, организации. Консерватор Галлер считал патримониальный порядок исходным и естественным в череде иных, менее естественных и искаженных недальновидным людским произволом. «Понимающий социолог» Вебер полагал, что ему предшествует еще более древний патриархальный уклад. Нынешние авторы зачастую рассматривают его как произвольное порождение властных инстанций в любой исторический момент без эволюционных или исторических ограничений.

Фактически зарождение самых ранних порядков растягивается на очень длительное время, охватывающее большую часть существования человечества. Род *homo* возник примерно 80 тыс. поколений назад, вид *homo sapiens sapiens* — более 13 тыс. поколений назад, а менее 1,5 тыс. поколений назад произошла так называемая верхняя палеолитическая революция. Появляется то, что мы называем людским родом, а с ним возникают характерные культурные универсалии (погребения, игры, произведения искусства и т. п.).

Наш вид в течение 9/10 времени своего существования был недочеловеческим и лишь в течение 1/10 — собственно человеческим. Дальше чуть ли не 2/3 всей истории людского рода были исключительно первобытными вплоть до неолитической революции. Кое-где в море первобытности стали возникать очажки того, что через десятки и сотни поколений сможет стать архаикой. Еще через полторы-две сотни поколений, т. е. всего 200–300 поколений назад произошла так называемая городская революция, связанная с образованием крупных поселений, структурирующих пространство вокруг себя. Только теперь альтернативы первобытности получают определенность. Однако потеснить ее удастся очень постепенно, сначала в пространствах от Восточного Средиземноморья до Восточной Азии. И лишь великие цивилизации древности с «осево-

го времени» (примерно 100–80 поколений назад) начинают заметно изменять первобытные порядки.

Когда же и как первобытные порядки начинают становиться патримональными? Вопрос заключается не только в том, когда и как возник исходный порядок, когда и как он или его модификации стали приобретать или приобрели патримониальные качества, но и в том, где провести границу между антропогенезом еще только становящихся людьми приматов и эволюцией уже вполне обретших свою человечность, «удел человеческий» (*la condition humaine, human condition*). Каждый большой переход, изменение самих условий («удела человеческого») сопряжены с вызовом того или иного рода. Огромный промежуток смены поколений заполнен овладением некими базовыми способностями, например, умением использовать орудия, говорить и мыслить, «выходить из себя»; еще один промежуток — выработкой и закреплении навыков уже собственно человеческого поведения.

Однако даже вне зависимости от избранного момента перехода патримонализм можно рассматривать как ответ на вызов выхода за «естественные» пределы простейших человеческих сообществ и порядков. На старый, узкий масштаб человечности наслаивается более широкий. Собственно вызов заключается в том, что при всем расширении масштабов фактический выбор институциональных рамок и практик остается базовым и не может быть иным. Продолжается использование прямого правления и закрытых порядков даже в тех условиях, когда непосредственные взаимодействия между правителями и подвластными затруднены или даже невозможны. Они должны каким-то образом опосредоваться, но при этом продолжают рассматриваться как прямые и даже условно непосредственные. Равным образом непосредственное повседневное общение, вполне «естественное» для проточеловеческого «стада» (четыре-пять десятков становящихся людьми особей), уже невозможно в его чистоте для сообществ, рассеянных на пространствах многих часов, а то и нескольких дней пути.

В этих условиях ничего принципиально нового не появлялось и появиться еще не могло. Доступны были лишь прямое повеление и исполнение, непосредственное взаимодействие здесь и сейчас как критерий общности. Вызов заключался в том, чтобы дополнить базовые примордиальные способности и принципы некими институциональными уловками, связанными со вполне отчетливой и развитой поведенческой современностью.

Структурно или морфологически можно связать феномен патримонализма с использованием самых разных организационных средств и ресурсов для восполнения дефицита связи между властями и подвластными в крупных, растущих или изменяющихся политических порядках. Это типично политические порядки, которые в силу изменения условий уже не могут использовать привычные прямые (патриархальные, по М. Веберу) связи между властями и подвластными и нуждаются в новых способах господства.

Расширение, растягивание этих порядков происходит не обязательно и не только в первобытных условиях. В каких-то отношениях такие растянутые порядки оказываются особенно уязвимы и чреваты беспорядком. На этот вызов

можно ответить с помощью двух институциональных и организационных стратегий: редукция как средство преодоления избыточной сложности; усложнение как средство преодоления избыточной упрощенности. Обе стратегии связаны и находятся в отношении взаимной дополнительности: форсируется то одна, то другая из них.

При обращении к примерам резкого расширения масштаба господства видно, что создаваемые в этих условиях структуры посредования (типичный веберовский пример — окружение властителя, его свита и т. п.) еще настолько зыбки, что требуют усиления за счет признания их особой значимости в качестве общего и для властей, и для подвластных наследия, патримониума. Действительно, свита, дружина, наместники опосредуют властное доминирование. Непосредственное господство становится в определенной мере опосредованным, но при этом по своему устройству остается прямым. Дробление на сегменты не разрушает логики непосредственного общения, но лишь мультиплицирует его.

Возникает новая форма, точнее, соединение старых форм путем наслоения на них тех же форм в новом масштабе: дом домов, вождь вождей, племя племен и т. п.

Резкое расширение масштаба и пространства организации заставляет распространять принцип простой и непосредственной связи между авторитетным центром, а то и персонализированным властителем и каждым участником властных транзакций и политического порядка на громадные пространства и весьма распределенные и неоднородные сообщества. В конечном счете, нередко возникает своего рода властечентричность.

В этом случае связка между властителем или властителями и подвластными приобретает особое значение. Сделать ее относительно надежной позволяет ее концептуализация как непосредственного общего и, по существу, неделимого наследия. Власть (точнее, ее привычная конфигурация) предстает как наследие, а наследие становится прежде всего сокровенным знанием конфигурации власти.

Относительно быстро возникают весьма масштабные политические образования. В этих условиях исходный набор практик, обычаев и институтов довольно ограничен, прост и узкомасштабен, хотя фактически используется в разных по размеру структурах и даже в разных масштабах.

Патримониализм радикально обновляет и трансформирует базовый принцип родового порядка — следование заветам предков. Появляются те самые типы, о которых писал М. Вебер: от дружинного владычества до цезаризмов и бонапартизмов различных образцов и даже вплоть до плебесцитарной демократии. Это может осуществляться как в относительно функциональной форме президентской плебесцитарности в США, так и в дисфункциональных формах авторитаризма и тоталитаризма.

Весь этот пестрый калейдоскоп типов господства характеризуется главным — апелляцией к некому безусловному наследию, которое должно быть сохранено и преумножено любой ценой. Подобный многократно переработанный принцип передается имперско-цивилизационными системами вплоть до наших дней.

В условиях возникающих только патримониальных порядков институционализация практик зачастую избыточна. Требуются не столько институты, сколько всего лишь закрепление практик. Однако нужны либо опора в виде институциональной рамки, либо формулы осуществления практик. Рамка — это дань закрытости. Она передается как наследие. Все может меняться, за исключением рамки. Это и есть патримониум.

В ходе политической эволюции помимо патримониальных практик, институциональных рамок и формул, а также порядков возникают альтернативные полисные практики, институциональные рамки и формулы, а также порядки. Полис подчеркнуто «политичен». Зачастую полисные порядки воспринимаются как своего рода прототип политики как таковой (Драгунский, Цымбурский, 1991). Действительно, «спрессовывание» городских сообществ и образование рефлексивного самоуправления ведут к существенной модификации базовых примордиальных принципов. Однако полисный синоизм — это особое ответвление развития, которое приходится оставить вне рамок статьи.

PATRIMONIUM

Патримоний обеспечивает создание, поддержание и целостность патримониальных порядков. При этом функционально он двойствен: одновременно инструментален и консумматорен. Он одновременно и средство, и результат его использования. Правда, их крайне трудно отделить друг от друга. Функциональность настолько размыта, что ни инструмент, ни результат его применения не только не отделимы друг от друга, но и не могут быть помыслены каждый сам по себе.

Утверждающие себя патримональными политические порядки гипертрофированно зависимы не только от наследия и наследования в широком смысле, но и от наличия особого наследия-скрепы единого порядка, простирающегося от центрального авторитета до самых дальних периферий и связывающих их инстанций, причем скрепы очень ясной и наглядной, исключительно простой для понимания буквально каждым.

Наследие подобного рода является альфой и омегой не только политической организации, но и всего существования подобных систем, — это патримониум. В точном смысле латинское слово *patrimonium* — это отеческое достояние, нечто переданное отцами (властями) своим детям (подвластным). По-русски это называлось *отчиной*, а также и *дединой*.

Подобного рода структуры, патримониумы, коллективно наследуются сменяющимися друг друга поколениями. Некоторые традиции построены на акцентировании наследования как основы всего существования. Они возникают там, где относительно быстро возникают весьма масштабные политические образования. В этих условиях исходный набор практик, обычаев и институтов довольно ограничен и прост; пространственные и временные масштабы их исходного, а потому органичного использования довольно узки. Однако использовать соответствующие институты и практики приходится в относительно расширенных или заметно расширяющихся геохронополитических масштабах.

Геохронополитическое расширение становится серьезным вызовом для развивающихся или растущих политий. Этот вызов заключается в нестерпимости разнообразия и сложности условий существования и самовоспроизводства, автопоэзиса исходных политий. Патримоний становится ответом на этот вызов. Структурно и институционально он является средством и результатом редукции избыточной сложности. В патримонии концентрируется то простое и общее, что обеспечивает минимально необходимый автопоэзис. Одновременно он выносит за скобки и тем самым освобождает для периферийного и зачастую контингентного использования достаточно сложные алгоритмы и процедуры, к которым приходится обращаться выборочно и контекстуально.

Для минимального самовоспроизведения порядка, автопоэзиса политической системы связка между локусом верховной власти и подданными приобретает особое значение. Сделать ее относительно надежной позволяет ее концептуализация как непосредственного общего и, по существу, неделимого наследия. Забегая вперед, отмечу, что патримониум пластичен. В своих ранних проявлениях он почти не отличим от родовой патриархальной отчины и дедины. В новых, более сложных геохронополитических условиях патримониальный порядок с помощью относительно простого патримония достаточно уверенно сливается с иерархией империй в череде передач патримониума по мере реализации цивилизационной миссии. Патримониализм обретает сверхценную трансцендентальность в геохронополитически еще более новых версиях патримония — в нации, патриии, отечестве, становящихся скрепами уже вполне современных политий.

В западноевропейской традиции наиболее близким эквивалентом патримонию-наследию была и остается *patria*. В современной практической политике выразителем приверженности патримонию-наследию является патриотизм. В китайской традиции патримоний-наследие подкрепляется сыновьей почтительностью. И то, и другое — версии общей миссии продолжения дела отцов, предков, следования их заветам. В российской традиции патримоний предстает в виде Отечества — Родины — Отчизны.

ИМПЕРСКИЕ ПОРЯДКИ, ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ

Требуется реабилитация не только империи как ценностно-нейтрального научного термина, но и термина «империализм». Вероятно, он может употребляться для ценностно-нейтрального обозначения как особого типа политики великих держав, возникшего в ходе завершения их колониальной экспансии, так и более широкой установки на осуществление имперской и цивилизационной экспансии.

Какие порядки связаны с подобной экспансией? Большие и постоянно расширяющиеся, открытые. Институциональное строительство зачастую осуществляется за счет стратегии усложнения как средства преодоления избыточной упрощенности. Дело в том, что империи и цивилизации ориентированы на экспорт институтов и институционально поддерживаемых практик цивилизацион-

ного порядка, имперского мира. Важной особенностью становится плюрализм (даже пестрота) практик; собственно имперские практики получают институциональное подкрепление, отношение к прочим вполне терпимое.

Основная особенность имперской формы политической организации — ее открытость. Она порождена избытком благ разного рода, прежде всего общественных благ в доминирующем цивилизованном ядре, и их дефицитом в окружающей «варварской» среде.

Это открытость первого порядка (Ильин, Цымбурский, 1997). Она, безусловно, асимметрична и программирует экспансию из центров в периферии. Ее характеризуют концентричность и иерархичность организации, наличие имперского центра, асимметричного и непрямого правления, лимеса — переходной зоны от цивилизации к варварству.

Всякое снижение асимметричности чревато структурными сдвигами и дисфункциями. В то же время асимметричность общей конфигурации и морфологии имперских систем позволяет им включать подсистемы иного рода, порой даже преимущественно закрытые. Это не только племенные и кастовые образования, но и разного рода новые образования типа корпоративных. В их числе также относительно большие и альтернативные образования типа деспотических, полисных и прочих порядков. К их числу относятся патримониальные порядки и структуры.

В каждой версии общего (универсального) морфологического принципа имперской организации опорным моментом концептуализации является благо, а основным организующим ресурсом — общественные и иные блага. Собственно имперская организация в основном и нацелена на концентрацию и распределение, включая импорт общественных благ в «варварскую» среду.

Pax Romana в этом смысле — отнюдь не очередная метафора. Каждая империя создает два мира: мир-ойкумену и мир-ненасилие. Процесс имперской экспансии регулируется спросом на блага имперской цивилизации и их предложением. Как только они оказываются сбалансированными, экспансия замедляется и останавливается. Лимес усиливает свои свойства регулятора. Возникновение дефицита общественных благ внутри имперского пространства и неудовлетворяемый спрос на них и среди имперцев, и среди варваров ведут к просачиванию варваров внутрь империи и вступление их в конкуренцию за дефицитные блага. От этого проникновения империю отчасти защищает лимес, который призван переделывать варваров в имперцев. Однако слишком сильный напор варваров вызывает сбой в его функционировании и прогрессивно истощает общественные и иные блага империи.

Ситуация может усугубиться появлением центров производства и распределения благ в сопредельных пространствах вплоть до возникновения или усиления сопредельного имперского центра (центров). В таком случае происходит коллапс, своего рода «схлопывание» имперской системы, — знаменитое и не раз описанное историками падение исторических империй, «завоевание» варварами, а фактически засасывание варварских масс в истощенное пространство прежней цивилизации. Имперская иерархия уже не производит достаточное количество общественных благ для собственного поддержания, однако

внутри есть еще немало частных, клубных и прочих благ, которые влекут варваров и новые империи.

На конкретную конфигурацию политического устройства отдельных империй помимо эволюционных факторов влияют также особенности их местоположения и истории. Эти особенности порождают не типы, а разновидности, которые в основном можно охарактеризовать как цивилизационные, — именно они дают специфические формулы имперского устройства.

Даже общего взгляда на имперскую формулу достаточно, чтобы уяснить, что фактически она предстает в виде ряда эволюционных типов; в их числе — protoимперские амфикинии, ранние империи, конгломераты двух-трех империй, большие имперские комплексы. Этот ряд дает нам череду последовательных морфологических усложнений простой концентрической модели за счет изощренного варьирования схем концентрации и выстраивания разнообразных иерархий. Качественный эволюционный сдвиг связан с образованием теократий и дополнением мирской горизонтальной иерархии сакральной вертикальной иерархией. Далее появляется особая форма хризалиды — теократии с феодализованными горизонтальными иерархиями, но сохраненной общей сакральной вертикальной иерархией. Наконец, в условиях модернизации имперская форма морфологически усваивается международными системами государств, становящимися основными распределителями общественных благ, а также колониальными империями и их эпифеноменами в виде зон гегемонии великих держав. Разумеется, черты имперской морфологии вполне естественно усваивают великие державы, а также государства, играющие в международных системах ключевые роли при распределении общественных благ.

Имперские формулы ориентированы на жизненные ограничения и возможности реализации требований формы в конкретных исторических и геополитических условиях. Благо мыслится уже не абстрактно, как безусловно избыточное, а вполне конкретно, как подлежащие производству отдельные блага. Возможности производства оказываются ограничены конкретными условиями. В свою очередь потребность внешней варварской среды в различных благах также не безусловна, а ограничена спросом. Соответственно сама открытость также становится не безусловной, варьируясь относительно разных секторов среды. Равным образом монизм и концентричность иерархического устройства трансформируются в системы непрямого правления относительно как уже интегрированных в империю/цивилизацию прежних варварских сред, так и подлежащих интегрированию все еще чуждых, враждебных сред.

Фактически для ранних типов это ведет к образованию целого ряда разновидностей, детерминированных качествами географической среды, — речных, континентальных, приморских и средиземноморских империй. Дальнейшие разновидности связаны преимущественно с процессами породнения-и-усыновления (*apparentation-and-affiliation*) империй, а также с образованием двойных и тройных междоцивилизационных систем типа Европа — Евразия.

IMPERIUM

Империй, подобно патримонию, обеспечивает создание, поддержание и целостность политических порядков. Функционально он также двойствен, выступая и как вполне инструментальное средство, и как консумматорный результат его применения. Однако по сравнению с патримониальной основой порядка имперско-цивилизационная обретает большую отчетливость в результате функциональной перефокусировки. Две стороны империя уже можно аналитически и даже в какой-то мере практически отделить друг от друга. Они не только могут быть помыслены каждый сам по себе, но и требуют самостоятельной концептуализации в виде понятий «миссия» и «благо» в их разнообразных языковых и терминологических версиях, о чем пойдет речь позже.

Пока же обратим внимание на еще одно существенное отличие империя от патримония: патримоний не только функционально многообразен и в силу этого расплывчат, он также претендует на некую всеобщность и незыблемость, пребывая в веках, предаваясь из поколения в поколение. Вполне естественно, это делает патримоний подчеркнуто неизменным и как будто статичным.

Иное дело — империй как двуединство миссии и обретаемого блага. Миссия разворачивается, и обретаемое благо предстает в череде форм по мере ее разворачивания. Империй подчеркнуто динамичен, строящиеся на его основе имперские формы еще более изменчивы. Их порождает не только внутренняя логика разворачивания миссии, но и взаимодействие со средой, и множество других факторов и обстоятельств, как вполне закономерных, сущностных, так и случайных, контингентных.

Ключевое морфологическое значение для открытой организации имеет лимес как зона взаимодействия с варварством, где варвары постепенно переплавляются в цивилизованных имперцев, а верные своей миссии имперцы могут позволить себе действовать не вполне цивилизованно. Эта амбивалентная двойственность мощнее любого, даже самого совершенного алгоритма имперской миссии. От таких алгоритмов зачастую приходится отступать. Но даже их кажущееся нарушение (например, создание Великой Китайской стены или Адрианова вала) дает лишь изгиб или петлю в разворачивании миссии. Динамика и драматическое напряжение сохраняются в постоянной пульсации лимеса — пусть даже как будто бы остановившегося географически.

Весьма ярко выражены пульсации исторических империй древности от Ближнего до Дальнего Востока. Впрочем, проявляется такая пульсация и рамках более сложных конфигураций и более поздних систем имперского типа. Истощение имперской экспансии ведет к феодализации имперского пространства, за которым следует его новая консолидация, а потом снова феодализация. Исторические империи подобно фениксу возрождаются, проходя чистилище темных веков.

Территориальная динамика империй и цивилизаций объясняется не мистическим стремлением установить господство над пространством, как любят утверждать глубокомысленные «теоретики» и незадачливые «геополитики». Она определяется сложным сочетанием факторов и обстоятельств, мешающих или

благоприятствующих развертыванию имперской миссии и экспорту высшего блага цивилизации. Подобный экспорт как раз и является основой для пресловутого имперского экспансионизма. Расширение империи продолжается столь мощно и долго, сколь велик избыток общественных благ и потребность в них «варварской» среды. Разумеется, в масштабе повседневности исключительное значение приобретают также производство и экспорт частных благ. Их избыток как раз и создает привлекательность империй для индивидуальных потребителей. Однако удовлетворение этого спроса на частные блага в долгосрочном структурном отношении может не только подкреплять систему производства и распределения общественных благ, но и зачастую ей противоречить, даже прямо подрывать ее, например, за счет истощения внутренних рынков таких благ. Знаменитый советский дефицит и общественных, и частных благ был оборотной стороной «всечеловеческой отзывчивости» СССР в предоставлении международных общественных благ. Это выразилось не только в пресловутой помощи народам и странам различных континентов, но и в поддержании крайне затратной мировой биполярной системы безопасности двух ядерных сверхдержав. СССР не только выполнил, но и перевыполнил эту функцию. Был достигнут паритет, открыта дорога к Хельсинки и конвергенции, а тем самым к перестройке и новому мышлению. Однако этим шансом ни СССР, ни его оппоненты, ни все мы распорядится не сумели.

Возвращаясь к основной теме имперской миссии, нельзя не отметить, что ее суть прекрасно выражена в классической формулировке Вергилия (Энеида, VI, 851–853) — вводить обычаи и нравы мира (*pacique imponere morem*). Это завет Анхиза своему сыну Энею, зачинателю латинской истории, римской идеи и имперской миссии. Предоставление милости (локальной или корпоративной автономности, свобод) покорным (*parcere subiectis*), принявшим имперскую обрядность, является прямым выражением данной функциональности. Казалось бы, равнозначная, соединенная Вергилием конъюнкцией, союзом «и» (*et*) функция обуздания непокорных гордецов (*debellare superbos*) на деле логически и каузально вторична. Потестарное навязывания порядка силой подчинено главной цели — созданию замиренного политического пространства. Впрочем, при сужении горизонта до злободневности потестарное господство порой может показаться главным и даже единственным средством самоутверждения империи. «Карфаген должен быть разрушен» (*Carthago delenda est*), — твердил Катон Старший вне зависимости от обстоятельств. Выполнение и даже перевыполнение (сровненные с землей руины великолепного города были посыпаны для верности солью) этой установки закрепило исход Третьей Пунической войны. Помогло или помешало это разрушение введению обычаев мира — открытый вопрос. Полагаем, что скорее помешало. Может быть, даже превратилось в структурный изъян исторической памяти *Pax Romana*.

Задумаемся и о наших собственных структурных изъянах исторической памяти, вызванных недальновидным подчинением искушению простотой и эффективностью потестарного господства. Воспоминание о всеобщем ликовании в момент триумфа победоносной акции не залечивает ни ран, нанесенных генотипу империи, ни изъянов исторической памяти. Стоят ли энтузиазм по пово-

ду воссоединения украинского и белорусского народов в 1939 г. или недавние восторги по поводу «возвращения» Крыма того ущерба, который был нанесен глубинным скрепам нашего нынешнего империя? Ответ не очевиден. Многое зависит от того, дадим ли возникшим изъянам разрастись и деформировать, а то и погубить нашу страну, или мы и последующие поколения сумеем залечить раны и восполнить изъяны долгими и кропотливыми усилиями.

В конечном счете, важна не инструментальная, а консумматорная сторона империя, высшее благо цивилизации. Империй — это не просто имперская миссия и не только соответствующие усилия, но и результат этих усилий, осуществление и осуществленность имперской миссии. Это также возникающее качество политического порядка. Данное качество и есть высочайшее благо (*summum bonum*) империи и цивилизации, их оправдание и смысл. Сообщество римских граждан (*civitas*) именно в результате осуществления предначертанной Анхизом и Вергилием задачи освоения «тебе назначенных искусств» (*hae tibi erunt artes*) создает и обретает качество цивилизованности — цивилизность (*civilitas*). Однако это созданное немалыми трудами качество цивилизности (и, добавим, изощренности, совершенства и утонченности) нужно вновь нести миру, вновь отдавать этому все силы. Миссия закольцована, она становится нескончаемым сизифовым трудом самоутверждения и наделения других, всего окружающего мира щедротами своего совершенства и цивилизованности.

Сходные представления характерны для всех цивилизаций. Чем мощнее и богаче цивилизация, тем ярче они выражены. Чем цивилизация слабее и моложе, чем меньше сил было потрачено на самоутверждение и самосовершенствование, тем более тусклыми, половинчатыми и однобокими оказываются представления о своей миссии и создаваемом высшем благе.

Одно из ярчайших и непохожих на римские представлений о своем высшем благе дает Китай. Он сам для себя и для мира выступает таким благом. Это представление отразилось и закрепилось в самоназвании китайцев, в их идентификации в противоположность варварам — хуася (華夏). Понять и перевести это название можно различными способами, однако самое авторитетное, восходящее еще к знаменитому памятнику V в. до н. э. «Цзо чжуань» толкование интерпретирует хуа (華) как «изощренный, узорный», а ся (夏) как «великий, превосходный». Таким образом, хуася можно прочесть, понять и интерпретировать как «великолепное узорочье». Это то, что создает китайская цивилизация, чьим живым олицетворением становятся сами ее носители китайцы.

Каждая имперская полития, точнее, каждая полития, вобравшая в себя имперский порядок, подчинена нелепой с точки зрения методологического индивидуализма и рационального выбора одержимостью одарить мир вокруг высшим благом своей цивилизности. В практическом плане установка на создание и экспорт своего высшего блага (а в современных условиях — различных международных общественных благ) вкупе с морфологическим потенциалом открытости делает имперские формы и порядки крайне привлекательными и востребованными практически любыми политиями. Как и в случае с патримонием, привлекательность и востребованность объясняют соединение имперских порядков и форм с иными, в том числе патримониальными и современными. Это

заставляет обратить внимание на проблему сочетания, или «гибридизации», политических форм.

«ГИБРИДИЗАЦИЯ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ

В научной, а тем более в популярной и публицистической литературе распространены представления о гибридизации политических форм, особенно о гибридных режимах. Эти представления, как правило, незамысловаты и сводятся к трактовке гибридизации как некоего произвольного смешения, вполне осуществимого простым проявлением воли властителя. Иными словами, название одного способа соединения свойств произвольно используется для обозначения совершенно другого.

Является ли проблемой перенесение названия, ведь действительность от этого не меняется? Шекспировская Джульетта говорила: «То, что зовем мы розой, под именем иным она все также нежно будет пахнуть» (*The thing you call a rose by any other name would smell as sweet*). И эту фразу цитируют снова и снова, чтобы подчеркнуть конвенциональность названий. Названия вообще и тем более специально выбранные или созданные в науке или политике названия конвенциональны. Однако при всей своей конвенциональности название, а затем совершающиеся на его основе концептуализация и операционализация отнюдь не произвольны. Существует огромная научная литература от Готлоба Фреге и Бертрана Расселла до Джона Серля и Сола Крипке о способах и оправданности именовании существующих и несуществующих вещей и явлений. Ее придется оставить в стороне, обратившись к простейшим и относящимся непосредственно к теме статьи моментам.

Название уже само по себе задает рамки выбора базовых когнитивных схем, пресуппозиций, а главное — импликаций. В данном случае это намного существеннее исходной конвенциональности названия, поскольку не только задает угол нашего зрения, но и заставляет нас сделать (!) важными или неважными существующие в действительности свойства явлений, наделять их несущественными свойствами или даже приписать несуществующие свойства как действительным (*actual*) яблокам, так и идеальным (*ideal*) апельсинам (Даль, 2003, с. 125). Можно так переименовать розу, что ее нежный запах станет неуловим, а она сама приобретет нехарактерные для нее или вообще немыслимые свойства. Режим, названный нами гибридным, станет нами же восприниматься предвзято и превратно. И наше мышление, и наши политические действия могут утратить адекватность и значимость.

И простое смешение, и гибридизация, а также иные способы соединения (этот термин в данном контексте звучит наиболее нейтрально) различных институтов и институциональных решений имеют свои ограничения и возможности. Способы подобного соединения имеют свою логику и функциональное оправдание. Проблема состоит в том, чтобы выявить и использовать эти логические и функциональные основы, а также существенные, а не случайные свойства.

В своем поверхностном комментарии, написанном на злобу дня, И. Г. Яковенко делает одно очень точное и научно значимое замечание, предлагая име-

новать гибридные режимы ублюдочными. «Слово “ублюдочный” вовсе не ругательство, — замечает известный культуролог, — а лишь перевод на русский язык слова “гибридный”, поскольку гибридов, т. е. особей, получившихся в результате скрещивания разных видов, на Руси называли ублюдками» (Яковенко, <http://ej.ru>). Трудно не согласиться с И. Г. Яковенко. В обычных условиях межвидовое скрещивание ведет к образованию неспособных к продолжению рода особей. Требуется особое ухищрение, и даже искусство, чтобы добиться соединения двух разных генетических программ в одну вполне адекватную и лишённую роковых изъянов.

Следовало бы сделать еще один шаг вслед за И. Г. Яковенко. Было бы удобно оставить название «гибридный режим» за действительными гибридами, а для мнимых «скрещиваний», которые фактически сводятся к авторитетно и авторитарно навязанной сверху произвольной политической инженерии, не имеющей никаких морфологических оправданий, вполне оправданно сохранить наименование *ублюдочных*.

Ублюдочность морфологическая и концептуальная ведет, в конечном счете, к созданию понятийных и политических химер. Это, разумеется, крайний вариант, чреватый сбоями и катастрофами. Сначала наступает разруха в головах, а потом и в жизни.

Наша концептуализация может как адекватно, так и не совсем адекватно, а то и вовсе порочно, искаженно отражать политическую морфологию. Мера адекватности соответствует пределам познания и практического овладения политическими формами, которые редко бывают однородными и простыми. Как правило, мы сталкиваемся с крайне противоречивыми и запутанными образованиями. Их можно охарактеризовать как морфологические комплексы или композиции (комбинации) форм и порядков.

Прежде всего, речь идет о комбинации форм, порядков, структур и функций. В этом случае дело сводится к контингентному комбинированию образований, каждое из которых не только сохраняет автономность, но и испытывает минимальное воздействие комбинирования, не порождающего новых устойчивых свойств и возможностей.

Кроме того, возникают комплексные системы, т. е. образования, добавляющие к своим частям и их возможностям свойства и возможности целого.

Способы сочленения различных институтов и институциональных решений крайне разнообразны. Однако в отличие от совершенно вольного конвенционального называния их использование накладывает ограничения на нашу свободу. Вместе с тем эти ограничения создают и возможности. Нет вершин без пропастей. Нет творческой свободы без строгой научной дисциплины.

Механические метафоры и когнитивные схемы высвечивают в действительности только те аспекты и моменты, которые поддаются простым механическим манипуляциям. Например, концептуализация политических комплексов и комбинаций как чисто механического соединения путем смешения способна дать очень грубые и поверхностные результаты. Единственным исключением — предложенная О. Шпенглером категория псевдоморфоза, или насыщения собственной субстанцией (людская масса, социальный капитал, политическая культура

и т. п.) чуждой, как правило, навязанной конфигурации формальных институтов и норм. Этот концептуальный и аналитический инструмент, конечно, намного богаче, чем простое смешение. Однако он применим к крайне специфическим ситуациям и явлениям, подобным навязыванию русским людям чуждых им европейских порядков Петром I. Да и здесь ясно виден лишь момент навязывания, остальное сокрыто от нашего взгляда.

Биологические метафоры и когнитивные схемы высвечивают в действительности только те аспекты и моменты, которые могут трактоваться как проявления политических эквивалентов генотипам и фенотипам. Это позволяет сделать следующий шаг к углублению понимания действительности. Однако он сопряжен с жесткими ограничениями. Программы и алгоритмы, альтернативные или просто противоречащие той, которая была избрана нами в качестве единственной «настоящей» программы, эквивалентной генокоду, будут попросту исключены из нашего поля зрения, объявлены досадными сбоями.

К подобному роду когнитивных схем принадлежит гибридизация в точном смысле, или формирование «генетической программы», т. е. алгоритма морфологического воспроизводства на основе фрагментов различных (обычно двух) исходных программ. Могут быть предложены и другие биологические программы: прививка побега на привой, заражение и, как результат, прививка иного рода с образованием иммунитета. Это весьма специфические когнитивные схемы, которые могут использоваться для решения исследовательских задач. Соответствующие возможности и ограничения были проанализированы мною в докладе, сделанном в августе прошлого года на конгрессе Всемирного комитета международных исследований во Франкфурте.

Наконец, существуют экологические метафоры и когнитивные схемы. Они высвечивают в действительности только те аспекты и моменты, которые аналогичны комплексному взаимодействию сообществ многих живых существ в их особой экологической нише общей жизнедеятельности. Характерной когнитивной схемой будет симбиоз.

Весьма актуален поиск других, более сложных моделей воспроизводства и модификации морфологических программ, институционального наследования. К их числу могли бы относиться социальные метафоры и когнитивные схемы, которые высвечивают действительно важные для исследователя аспекты и моменты. В этом случае более простая и прозрачная когнитивная схема может быть использована для осмысления качественно более сложных явлений. Так, можно использовать некоторые первобытные обычаи и практики (гостеприимство, породнение-свойство, линидж, заветы предков и т. п.) как упрощенные аналогии более сложных, изощренных и вполне современных явлений.

Патримоний, синойкизм и даже гораздо более сложный империй можно считать весьма многообещающими когнитивными схемами. Они достаточно прозрачны и ясны, чтобы быть удобным инструментом для анализа более сложных явлений современной политики. Более того, вполне посилено создание на их основе составных композиций, даже комплексов. Этот весьма перспективно, поскольку в современной политике за крайне редкими исключениями очень простых политических образований типа клик (еще один претендент на роль

когнитивной схемы) приходится иметь дело с морфологически многосоставными институтами и порядками.

Сложные композиции и комплексы трудно охарактеризовать одной когнитивной схемой. Попыткой восполнить дефицит необходимой концептуализации стало использование метафоры слоеного пирога политических прядков, режимов и практик (Ильин, 2014). Как образуется слоеный пирог? Помимо прочих используются две уже упоминавшиеся институциональные и организационные стратегии: редукция как средство преодоления избыточной сложности и усложнение как средство преодоления избыточной упрощенности. Обе стратегии связаны и находятся, как уже отмечалось, в отношении взаимной дополнительности.

Качества закрытости и открытости (т.е. способность закрываться и открываться, сжиматься, защищаться и расти, нападать) передаются, чтобы использоваться (институционализируются) двумя разными половинками «гена». Одна, закрывающая, половинка — патримониальная, а другая, открывающая, — имперская.

Соединение политических форм касается не только взаимного сочетания патримониальных и имперских порядков друг с другом, но и их соединения с другими способами политической организации, включая современный конституционализм и демократию. При этом следует учитывать диффузию и контаминацию содержательных аспектов формообразования. Здесь гораздо большая свобода комбинирования и приспособления. Прагматически полезным остается использование в качестве исходных и базовых когнитивных схем патримония, империя и, добавим, полисного синойкизма, который пришлось оставить за пределами данной статьи. Это предмет следующих исследований и следующих публикаций.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПАТРИМОНИЕВ И ИМПЕРИЙ

Обратимся вновь к поставленным в статье вопросам, чтобы сформулировать некоторые предварительные оценки и выводы.

Как патримониальные порядки соотносятся с модернизацией и демократизацией?

Являются ли такие порядки пережитком прошлого или живым проявлением современной политики?

Какие задачи современной политики могут решаться с помощью патримониальных институтов и практик, а какие не могут?

Может ли принцип скрепы между властным авторитетом и членами политического сообщества в виде их общего наследия использоваться в современных условиях?

Может ли использоваться принцип цивилизационной миссии установления порядков мира (верховенства права и прав человека)?

Скороспелые оценки, будто имперские и патримониальные порядки чужды модерну и в современных условиях порождают всякого рода сбои и дисфункции, вытекают из незнания или крайне упрощенного знания как патримониальных,

так и имперских способов политической организации. Впрочем, они идут рука об руку с не менее упрощенными и выпрямленными представлениями о характере современной политики. При рассмотрении сквозь подобные тусклые и несовершенные линзы сложных явлений политики наших дней мы видим «факты» необъяснимой нерациональности поведения политических лидеров и граждан, а также полной непригодности и нереформируемости политических институтов. Стоит лишь просветлить линзы, перенастроить их фокусировку, как картина меняется. Туманные и неясные «факты» предстают в виде сложной, но поддающейся пониманию *многогранной* действительности. При взгляде на одну грань высвечиваются контуры патримониальных порядков, на другую — имперских, при взгляде на третью перед нами появляются формы современной федерации, на четвертую — конституционная форма, пригодная для демократического использования, и т. п.

Такая сложная картина позволяет не только добиться лучшего понимания и перестать давать неверные оценки и реагировать на происходящее нелепым и неразумным образом. Появляется возможность приступить к тонкому, выборочному и постепенному реформированию отдельных форм и структур, высвечиваемых патримониальной, имперской, федеральной, конституционной, демократической и прочими проекциями. Поэтапная и пошаговая трансляция достижений передовых политических исследований в политическую науку и образование, затем в экспертную среду, далее в структуры интеллектуального и информационного обеспечения политических процессов, наконец, в «просвещенные суждения» (термин Р. Даля) политиков и граждан может создать условия для реформирования и оптимизации наших политических порядков.

Литература

Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с. (*Dal R. Democracy and its Critics. Moscow: ROSSPEN, 2013. 576 p.*).

Драгунский Д. В., Цымбурский В. Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991. № 1. С. 6–14 (*Dragunskii D. V., Tsyburskii V. L. Genotype of European Civilization // Polis. 1991. N 1. P. 6–14*).

Ильин М. В. Слоеный пирог политики: порядки, режимы, практики // Полис. 2014. № 3. С. 111–137 (*Ilyin M. V. "Flaky Pastry of Politics": Orders, Regimes, Practices // Polis. 2014. N 3. P. 111–137*).

Ильин М. В., Цымбурский В. Л. Общества «открытые» и «закрытые» (миф и его рационализация) // Космополис: альманах. М.: МГИМО, Полис, 1997. С. 192–216 (*Ilyin M. V., Tsybursky V. L. "Open" and "Closed" Societies (Myth and its Rationalization) // Cosmopolis: almanac. M.: MGIMO, Polis, 1997. P. 192–216*).

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 479 с. (*North D., Wallis D., Vayngast B. Violence and Social Orders: a Conceptual Framework for Interpreting the Recorded History of Mankind. M.: Gaidar Institute, 2011. 479 p.*).

Патцельт В. Исследуя историю: очерк эволюционной морфологии // Политическая наука. 2012. № 4. С. 67–82 (*Patzelt V. Exploring History: An Introduction into Evolutionary Morphology // Political science. 2012. N 4. P. 67–82*).

Яковенко И. Г. Медиафрения. Гибридное — по-русски значит ублюдочное // <http://ej.ru/?a=note&id=27789> (дата доступа: 01.06.2015) (*Yakovenko I. G. Mediaphrenia. Hybrid Means Bastard in Russian // http://ej.ru/?a=note&id=27789 (date of access: 01.06.2015)*).

- Bach D., Gazibo M.* (eds.). Neopatrimonialism in Africa and beyond. Routledge, 2013. 272 p.
- Charrad M. M., Adams J.* (eds.). The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Thousand Oaks: Sage, 2011. 232 p.
- Haller K. L. von.* Restauration der Staats-Wissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlichen entgegengesetzt: Darstellung, Geschichte und Kritik der bisherigen falschen Systeme: allgemeine Grundsätze der entgegengesetzten Ordnung Gottes und der Natur. 6 Bde. Winterthur: Steiner, 1816–1834.
- Soest Ch. von.* What Neopatrimonialism is — Six Questions to the Concept. Background paper for GIGA-Workshop “Neopatrimonialism in Various World Regions”. Hamburg: GIGA, 2010.
- Webber D.* A Consolidated Patrimonial Democracy? Democratization in Post-Suharto Indonesia // Democratization. 2006. 13:3. P.396–420.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. 5. revidierte Auflage besorgt von Johannes Winckelmann. Studienausgabe. Tübingen: Mohr, 1980. XXXIII, 942 s. (первая публикация в 1922 г.).